

Мещерякова Наталия Николаевна

РЕФЛЕКСИВНАЯ АНОМИЯ В СЛОЖНОМ СОЦИУМЕ

Статья рассматривает особенности протекания общественных процессов на этапе современного сложного общества. Ставится задача проанализировать различия между состоянием аномии в трактовках Э. Дюркгейма и Р. Мертна, которой в данной работе дается определение структурной, и аномией современного сложного общества, которую предлагается обозначить как рефлексивную. Обнаруживается, что факторы, провоцирующие социальную аномию в системном обществе, - внешние по отношению к самому субъекту. Рефлексивную же аномию порождают факторы внутренние, собственная субъективность акторов, которая становится значимой в ситуации ослабления связей между индивидами в обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 122-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 316.012

Социологические науки

Статья рассматривает особенности протекания общественных процессов на этапе современного сложного общества. Ставится задача проанализировать различия между состоянием аномии в трактовках Э. Дюркгейма и Р. Мертон, которой в данной работе дается определение структурной, и аномией современного сложного общества, которую предлагается обозначить как рефлексивную. Обнаруживается, что факторы, провоцирующие социальную аномию в системном обществе, – внешние по отношению к самому субъекту. Рефлексивную же аномию порождают факторы внутренние, собственная субъективность акторов, которая становится значимой в ситуации ослабления связей между индивидами в обществе.

Ключевые слова и фразы: системное общество; сетевое общество; структурная аномия; рефлексивная аномия; ценности и нормы.

Мещерякова Наталия Николаевна, к.и.н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Natalia.tib@mail.ru

РЕФЛЕКСИВНАЯ АНОМИЯ В СЛОЖНОМ СОЦИУМЕ®

Состояние социальной аномии, буквально безнормности, предполагает, что даже при наличии норм, призванных регулировать общественную жизнь, члены общества массово их нарушают. Обнаружить социальные условия, провоцирующие массовое девиантное поведение, и определить его точные причины – задачи, которые стоят перед исследователями данного социального явления.

Целью предлагаемой работы является определить, какое развитие теории социальной аномии необходимо применительно к изучению современного сложного общества. Для реализации данной цели предполагается последовательно ответить на два взаимосвязанных вопроса. В чем особенности современного этапа общественного развития по сравнению с обществом, которое изучали Дюркгейм и Мертон. И второй вопрос, к каким изменениям в факторах, провоцирующих аномию, привело усложнение современного общества.

Одним из наиболее плодотворных определений нашей эпохи стало «общество риска», предложенное У. Беком [2]. Впервые ученый заговорил о современной стадии развития модерна как «обществе риска» в середине 80-х гг. XX века и не сразу нашел поддержку в научном сообществе, Чернобыльская катастрофа 1986 г., кажется, подтвердила его пессимистический прогноз, о чем он и пишет во введении к своей работе «Общество риска. На пути к другому модерну», вышедшей на немецком языке в том же году. Бек – убежденный неопредетерминист, он полагает, что риски современного общества не уходят корнями в прошлое, а продуцируются настоящим и будущим, причем дальнейшее наращивание производства благ, на что нацелено современное общество, ведет к увеличению рисков [Там же, с. 14].

Концепция риска развивается сегодня и в западной социологии (Н. Луман, Э. Гидденс), и в отечественной. Принципиальным сторонником точки зрения, что мир-система находится в стадии всеобщего риска, является О. Яницкий [8]. Автор дает интерпретацию феномена «время турбулентности» в рамках концепции «общества всеобщего риска». Турбулентным время является потому, что в нем действуют разнонаправленные силы и осуществляются разнонаправленные действия. Так в обществе было всегда, проблема в том, что противоречия современности: борьба за новый передел мира и его ресурсов, конфликтность в сосуществовании культур, военные конфликты, – набрали «критическую массу», что означает высокий уровень нестабильности мировой политической и экономической системы, когда вероятность достижения ею точки бифуркации и изменения режима функционирования крайне велика. Взрывные протестные движения масс способны изменить баланс сил в еще недавно «стабильных» регионах, как это продемонстрировала Северная Африка, – один из вариантов развития событий.

Еще одно продуктивное, с гносеологической точки зрения, определение современного общества предложил З. Бауман, «текущая современность» [1]. Данный концепт сосредоточен уже в первую очередь не на описании рисков, которые несет с собой современность, сколько на ее атрибутивных свойствах. Метафора с жидкостью означает в данном контексте аналогию с таким ее качеством, как неустойчивость к воздействиям. Твердое общество, предшествовавшее современному, сопротивлялось воздействию, сохраняя устойчивость своих форм, современное – реагирует на него нелинейным и непредсказуемым образом. Возрастание скорости протекания социальных процессов приводит к тому, что пространство утрачивает свою ценность, ослабляются связи, обеспечивающие целостность социальной структуре. Переход от сложного структурированного мира, который был обременен сетью социальных обязательств и условий к миру текучему, свободному от всяческих границ и условий, на микроуровне проявляется в возникновении «слабых связей» между субъектами, они становятся более поверхностными, кратковременными и нестабильными. Эта современность зависит только от самой себя, «вторая современность», как назвал ее У. Бек.

Итак, современное общество текучее, турбулентное, рискогенное. Его риски связаны, прежде всего, с тем, что оно находится в состоянии неустойчивого равновесия, и даже малое воздействие способно привести к самым неожиданным и непредсказуемым последствиям, поскольку оно отвечает на воздействие нелинейным

образом. Неустойчивость его во многом связана с ослаблением связей между элементами, которые и обеспечивали целостность социальной структуре. Эти эффекты возникли на фоне и, по сути, стали следствием возрастания скорости социальных процессов. Мы привыкли рассматривать скорость как благо: быстрее стали коммуникации во времени и пространстве, снижаются транзакционные издержки, экономится самый ценный и невозполнимый ресурс – время. Но скорость всегда риск! Система становится все сложнее и уязвимее.

Относительно стабильное состояние социальной системы связано с установившимся режимом ее функционирования. Такой период относительной стабильности привел в свое время к расцвету структурного функционализма. Если сравнивать современное общество с тем, структуру которого столь подробно и тщательно выстраивал Т. Парсонс [6], то его можно противопоставить как сетевое общество системному. Второе имеет иерархизированную структуру, тяготеет к внутреннему балансу, поддерживает равновесие, воздействуя на отклонения таким образом, чтобы вернуться в стационарное состояние, что и нашло свое отражение в теории «социального порядка». Оно способно воспроизводить само себя, передавая ценности и нормы последующим поколениям и отслеживая их исполнение с помощью механизмов социального контроля. Нельзя сказать, что такое общество не динамично, возврат к стабильному состоянию не приходится в ту же точку, откуда произошло отклонение, но все же периоды линейного развития длительны и устойчивы. Периоды нелинейного поведения системы также наблюдались в развитии обществ, самый грандиозный пример – это великое переселение народов в IV веке, когда воздействия случайной флуктуации в лице племени гуннов перекроили карту Евразии. Наша цивилизация, возможно, вступила в такой сложный период. Поскольку нарушается основное свойство системности – внутренняя упорядоченность и согласованность, то современное общество приобретает качественно иные свойства: нелинейность, неупорядоченность, открытость, отсутствие единых законов, способных описать и объяснить происходящие явления.

Открытая система не может оставаться равновесной исторически длительный период времени. Рост скорости социальных изменений, усложнение социальной жизни, выход национальных общественных систем за пределы сложившихся конфигураций в процессе глобализации сделали социальный порядок крайне неустойчивым. И в отличие от воззрений функционалистов сегодня, как полагает, например, британский социолог Джон Урри, усилия, которые предпринимаются для восстановления нарушенного порядка, в свою очередь порождают непредсказуемые и непредвиденные последствия [11, p. 105].

В системном обществе структура была, по преимуществу, иерархическая, преобладали отношения субординации, господствовало вертикальное управление и контроль элементов (пирамида). Современное сетевое общество (М. Кастельс [9], Ян Ван Дейк [10, p. 6-40]) – это комплекс узлов открытого типа, децентрализованный, связанный горизонтальными связями, строящийся на добровольной основе, способный неограниченно расширяться путем включения все новых и новых ячеек. Образом этой новой системности является уже не пирамида, а ризома. Децентрализованный характер связей в сети порождает нелинейное реагирование на внешнее воздействие. Распространение сетевой организации социальной общности изменяет способы производства, характер властных отношений, особенности передачи социального и культурного опыта.

Еще одной важной характеристикой современного сложного общества является его рефлексивность. Части системы приобретают новое функциональное качество – способность к рефлексивности социальных акторов (П. Бурдье, Э. Гидденс), т.е. рефлексивные взаимодействия являются обоюдонаправленными между причиной и следствием, влияющими друг на друга. Рефлексивность, таким образом, означает акт самореференции, где воздействие оборачивается бумерангом назад и начинает влиять на причину, что, в свою очередь, порождает нелинейность поведения системы в целом.

Что происходит в сложноорганизованном, рефлексивном, рискогенном обществе с культурными элементами: ценностями, нормами, верованиями, – которые должны сшивать социальную ткань?

Современное общество западного типа провозгласило плюрализм, толерантность, культурный диалог. Многообразие ценностно-нормативных систем привело к тому, что нормы превратились в акт выбора. С одной стороны, бюрократическое общество старается все регламентировать, а с другой – рыночные механизмы, которым все подчинили, законы спроса и предложения превратили ценности и нормы в «меню», из которого можно выбрать, что, в свою очередь, приводит к ненамеренным последствиям для общества в целом. С. А. Кравченко, развивая метафору Баумана, называет современную мораль текучей, становящейся, за короткие временные отрезки происходят изменения в принципах и нормах жизни, которые рефлексивно сами акторами. В сложившуюся систему ценностей проникают ценности инородные, они сложным образом взаимодействуют с существующими, порождая культурные гибриды, что в свою очередь ведет к рассеиванию моральных принципов, их отклонению от ранее принятых значений. Но именно текучая мораль, считает автор, повышает шансы на адаптацию людей в условиях усложняющейся социальной реальности [4, с. 112].

Потенциально конфликтные ценностные системы сосуществуют в едином культурном пространстве. Зигмунд Бауман обращает внимание на то, что в современном обществе паттерны действий уже более не заданы и не очевидны. Поскольку их слишком много, то их предписания начинают конфликтовать, противоречат друг другу. Это лишает их принуждающей силы в сознании людей. Вместо того чтобы быть образцами поведения, горизонтом значений для выбора жизненного курса, они сами вытекают из него. Изменяются под воздействием его поворотов [1, с. 14].

Приходится признать, что современное сложное общество качественно отличается от общественной системы, которую в свое время изучал и характеризовал Э. Дюркгейм, а затем Р. Мертон. Его атрибутивные свойства я характеризовала выше. В том числе рефлексивность социальных акторов как способность и настроенность на основании собственной внутренней целостности выстраивать взаимоотношения с действительностью. З. Бауман говорит о современных людях как «утративших принадлежность». На смену определению социального

положения извне, на основе критериев, предлагаемых внешними социальными структурами, приходит обязательное и вынужденное самоопределение [Там же, с. 39]. Центр принятия решений, оценочных суждений сместился на уровень микромира, они стали столь же мало предсказуемыми, как и вся общественная жизнь в целом.

Аномиию в формулировке Дюркгейма и Мертона можно назвать **структурной**. Только первый считал, что аномия – это состояние дезорганизации, которое наступает в эпоху кризиса, связанного с войной, революцией, и, как он называет, «счастливого кризиса», т.е. на фоне экономического и общего подъема [3]. Р. Мертон, продолжая традицию, заложенную Дюркгеймом, исследовал, как социальная структура порождает обстоятельства, при которых «нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникающую ситуацию» [5, с. 301]. В его трактовке аномия не обязательно следствие чрезвычайных обстоятельств, кризисных или счастливых, но может быть вполне дежурным состоянием социальной системы при определенных условиях: когда наблюдается расхождение в значении, придаваемом целям и нормам, регулирующим их достижение. Главной причиной аномии в американском обществе он называл, например: «Чрезвычайное значение, придаваемое в нашем обществе накоплению богатства в качестве символа успеха» [Там же]. Цели, по Мертону, обуславливаются основными ценностями культуры. Богатство как символ успеха рассматривается как желательное для всех. Но институционализированных средств достижения богатства **всеми** не существует. И в варианте Дюркгейма, и Мертона в самой социальной системе мы обнаруживаем факторы, структурирующие условия, в которых аномичное поведение становится «нормальным» ответом на социальную ситуацию. Факторы, провоцирующие социальную аномиию здесь – внешние по отношению к самому субъекту.

Рефлексивному социуму соответствует **рефлексивная** аномия, мерилем всему становится собственная субъективность, сокращаются горизонты жизненного планирования на индивидуальном уровне, а жизнь «сегодняшним днем» и принятие на себя ответственности за долгоиграющие последствия своих действий – моменты, плохо сочетающиеся друг с другом. «Делать «рациональный выбор» в эпоху мгновенности означает стремиться к вознаграждению, избегая последствий, и особенно обязательств, которые могут подражать таким последствиям», – обращает внимание З. Бауман [1, с. 140]. Рефлексивную аномиию уже порождают факторы внутренние, собственная субъективность актора, которая становится значимой в ситуации ослабления связей между индивидами в обществе. При этом структурная аномия сохраняется.

В конфуцианском Китае недоброе пожелание когда-то звучало так, чтобы жить тебе в век перемен. Мы живем в таком текучем обществе, где нам постоянно приходится делать выбор, переопределение ситуации, смену самоидентификации. Но не все в принципе способны адаптироваться к веку перемен, справиться с «преждевременным наступающим будущим», возникает эффект временного дисхроноза, отмеченного С. А. Кравченко, когда в рамках одного общества проживают люди, существующие фактически в разных темпомирах [4, с. 27-28]. Временные разрывы, влекущие разницу ценностно-нормативных комплексов, жизненных паттернов, проходят теперь не только по поколениям, но и регионам, социальным общностям и группам. Теряется представление об общей направленности человеческой жизни, короткие жизненные планы вытесняют стратегическое планирование, накачивающие риски, неуверенность в завтрашнем дне, не побуждают заглядывать далее видимой линии горизонта. Российское общество в том числе не избежало кризиса общественных ценностей и идеалов [7].

Вводимые в данной работе понятия структурной и рефлексивной аномии, как соответствующие двум этапам в развитии современного общества: системному и сетевому, – необходимы для углубления понимания данного социального феномена. При структурной аномии, когда факторы, ее провоцирующие, находятся вне субъекта, управленческие усилия по совершенствованию механизмов социального контроля, повышение уровня материального благосостояния общества, налаживание эффективной системы управления дают линейный положительный ответ, снижение уровня аномии. Рефлексивная аномия, связанная с субъективностью социального актора, дает нелинейный ответ на управленческие усилия и требует иных подходов к формированию системы социальных взаимодействий.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
4. Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. 306 с.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299-313.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
7. Титова Р. Д. От кризиса ценностей к кризису общественного идеала: анализ российской реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 187-189.
8. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
9. Castells M. The Rise of the Network Society, the Information Age: Economy, Society and Culture. Cambridge, MA – Oxford, UK: Blackwell, 1996. Vol. I. 556 p.
10. Djik J. van. The Network Society: Social Aspects of New Media. The Netherlands, 1991.
11. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.

REFLEXIVE ANOMIA IN COMPLEX SOCIETY

Meshcheryakova Nataliya Nikolaevna, Ph. D. in History, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
Natalia.tib@mail.ru

The article touches upon the peculiarities of social processes behaviour at the stage of modern complex society. The goal is to analyze differences between anomia state in the interpretations of E. Durkheim and R. Merton, which is defined as structural in the work and the anomia of modern complex society, which is suggested being identified as reflexive by the author. It is revealed that the factors provoking social anomia in systemic society are external in respect of the subject itself. Reflexive anomia is caused by internal factors, actors' subjectivity that becomes significant in the situation of weakening the connections between individuals in society.

Key words and phrases: systemic society; network society; structural anomia; reflexive anomia; values and norms.

УДК 394.912

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены принципы народной дипломатии на примере деятельности Международного финно-угорского движения и его составляющих, в частности – Консультативного комитета финно-угорских народов. Автор обосновывает положение, что народная дипломатия становится важным институтом развития гражданского общества, механизмом демократизации внешней и внутренней политики государства.

Ключевые слова и фразы: финно-угорское движение; народная дипломатия; Консультативный комитет финно-угорских народов.

Мясникова Алла Борисовна

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова
lekomalla@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ФИННО-УГОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ –
ИНСТРУМЕНТ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ[©]**

Следствием либеральных реформ, проводимых в современной России с 90-х гг. XX в., стала трансформация политического строя, экономики, идеологии, социальной сферы, системы ценностей и морали, образа жизни людей.

Изменения, происходящие в окружающем мире, увеличивают значение международных гуманитарных связей, они становятся важнейшим инструментом налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами. Такое сотрудничество начинает восприниматься как важнейшая сфера деятельности гражданского общества, народной, или, как сегодня принято говорить, общественной дипломатии [4, с. 1].

Понятие «народная дипломатия» вмещает в себя международные связи и контакты посредством реализации культурных, научных, образовательных программ (обмены делегациями, художественные выставки, музыкальные фестивали, праздники искусств и т.п.) – всю многообразную деятельность по взаимодействию с гражданским обществом и аудиториями зарубежных стран. Иногда ее называют «гражданской или общественной дипломатией».

Народная дипломатия имеет ряд преимуществ по сравнению с государственной дипломатией. Эти преимущества четко определил Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Куба в России г-н Хуан Вальдес Фигероа, охарактеризовав народную дипломатию как такую форму общения, посредством которой народы проявляют свои чувства намного шире и глубже, чем позволяет регламентированный язык дипломатов, когда нельзя говорить больше, чем надо. Народная дипломатия говорит без всяких преград, искренне. А именно искренность больше всего скрепляет народы [Там же]. К методам общественной дипломатии относятся пикеты, митинги, марши, собрания, резолюции, воззвания, частные беседы, дискуссии. В нашем случае использованы самые мирные из них: это встречи, собрания, беседы, дискуссии, резолюции.

В ноябре 2012 г. Международному финно-угорскому движению исполнилось 20 лет. За годы своего существования оно достигло, по мнению автора, немало: проведено шесть Всемирных финно-угорских конгрессов, десятки совещаний Консультативного комитета финно-угорских народов (совещательный орган), сотни других международных, региональных и местных мероприятий.

Показательно то, что движение заявило о себе на всех уровнях власти, как в России, так и в других финно-угорских регионах мира. Ни один Конгресс не прошел без участия высоких гостей. Участниками и делегатами Всемирных конгрессов, членами Консультативного комитета являются политики, ученые, видные